

Д. Л. ТАЛИС

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-КОРСУНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В IX—X вв.

I

Политическая обстановка в Северном Причерноморье вообще, и в Таврике в частности, в IX—X вв. была чрезвычайно сложной и противоречивой, и не случайно при попытке ее изучения исследователь сталкивается с целым рядом значительных, а порой (на нынешнем этапе наших знаний) и непреодолимых затруднений. И, пожалуй, наиболее сложным вопросом является вопрос о роли Руси в Северном Причерноморье и о ее взаимоотношениях с Византией и хазарами¹. Показания различных источников — русских, греческих, арабских — зачастую между собой не согласуются или даже противоречат друг другу, отчасти, по-видимому, из-за неосведомленности или тенденциозности их авторов, а отчасти, быть может, и потому, что свидетельства этих источников освещают различные стороны одних и тех же явлений, сущность которых уловить сейчас, однако, трудно или невозможно.

Тем не менее, источники, имеющиеся в нашем распоряжении, дают основание утверждать, что 1) многообразие политических отношений в Таврике IX—X вв. не сводится к вопросу о русско-византийском антагонизме; 2) острие походов Руси в Таврику до 60-х годов X в. в гораздо большей степени было обращено в сторону хазар, чем Византии, и 3) в той степени, в какой интересы Руси и Византии по ликвидации хазарского государства и его влияния в Таврике совпадали, Русь и Византия являлись союзни-

¹ См., например: Н. П. Ламбин. Славяне на Северном Черноморье. ЖМНП, 1877, май, июнь; 1879, декабрь; Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, февраль, март; В. Пархоменко. К истории державы Рюриковичей (обзор литературы). ВДИ, № 3, 1939; его же. Характер и значение эпохи Владимира. УЗ ЛГУ, серия историч. наук, № 8, 1941; М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1937; И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1953; А. Н. Насонов. „Русская земля“ и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Б. А. Рыбаков. Русь и Хазария. Сб. „Академику Б. Д. Грекову“. М., 1952; А. Л. Якобсон. Византия в истории раннесредневековой Таврики. СА, XXI, 1954. Библиографию иностранной литературы, посвященной истории русско-византийских отношений в IX—X вв., см. F. Dölger und A. Schneider. Byzanz. Bern, 1952, S. 78—79. После выхода в свет книги Дольгера и Шнайдера появилась еще одна работа, в которой рассматриваются русско-хазарские отношения, — D. M. Dunlop. The history of the jewish khazars. Princeton, 1954.

ками, что, разумеется, ни в какой мере не препятствовало им противодействовать друг другу во всех других отношениях.

Факты, которые приводят к этому заключению, таковы. В начале IX в. русская рать князя Бравлина, как это сообщает житие Стефана Сурожского, совершила поход на южное побережье Таврики и овладела, хотя, по-видимому, и ненадолго, территорией «от Корсуня до Корча»². Но сопоставляя свидетельства, содержащиеся в житии Стефана Нового³, Иоанна Готского⁴, в письмах Феодора Студита⁵, с показаниями самого жития Стефана Сурожского о хазарском наместнике в Сурожье⁶, мы приходим к выводу, что во второй половине VIII и первой четверти IX в. в Таврике господствовали хазары. Что касается Херсона, то прямые указания на его осаду хазарами между 813 и 820 гг. содержатся в житии Иоанна Психаита.

Таким образом, военными действиями русской рати в Таврике в первой четверти IX в. был нанесен удар в первую очередь по хазарским, а не византийским интересам.

Здесь, однако, нам придется разобрать одно сообщение, которое в силу принятого толкования не согласуется с указанным выводом. Речь идет об известии Константина Багрянородного, согласно которому тотчас же после строительства Саркела в Таврике была учреждена Херсонская фема. А. А. Васильев выдвинул положение, ныне общепринятое, что строительство Саркела и образование фемы были обусловлены одной и той же причиной — опасностью со стороны Руси⁷. Из всех существующих мнений по этому вопросу⁸ точка зрения А. А. Васильева наиболее близка к действительности, но и она, как нам кажется, страдает односторонностью. Правильным является его утверждение о том, что строительство Саркела было предпринято в защиту от Руси, но что касается причин учреждения Херсонской фемы — дело, по-видимому, обстоит иначе.

Византия помогла хазарам строительством крепости Саркела потому, с одной стороны, что не в ее интересах было сокращение Русью хазар, ибо ей выгодно было сохранять русско-хазарский антагонизм, так как в этом заключалось одно из условий ее влияния на положение дел в Северном Причерноморье. С другой стороны, Византия помогла хазарам и потому, что последние, будучи ожесточенными врагами халифата⁹, являлись естественными в этом отношении союзниками Византии. В правление Феофила, при котором вновь обостряется борьба Византии с арабами¹⁰, действие хазар должно было приобрести немаловажное значение.

Однако все сказанное ни в какой мере не означает, что хазары являлись той силой, на которую византийская дипломатия единственно или даже по преимуществу опиралась в своих политических замыслах в Северном Причерноморье. Более того, факты показывают, что Византия не могла вообще рассчитывать на сколько-нибудь длительную поддержку со стороны хазар даже в период более или менее дружественных отношений

² В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, т. III, Пг., 1915, стр. 139—141.

³ PG, t. 100, col. 1117.

⁴ См. В. Г. Васильевский. Труды, т. II, вып. 2, СПб., 1909, стр. 397—398.

⁵ PG, t. 99, col. 1280.

⁶ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, Пг., 1915, стр. 139—141.

⁷ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИГАИМК, V, 1927, стр. 222—227.

⁸ Обзор литературы см. там же.

⁹ J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, S. 5 f., 455 f.

¹⁰ А. Васильев. Политические отношения Византии и арабов за время Аморицкой династии. СПб., 1900, стр. 141 сл.

с ними, т. е. в VIII и в первой половине IX в. Ведь уже в первой четверти IX в. — между 813 и 820 гг. — хазары осаждают Херсон, сидят в Восточном Крыму, обладая Сугдеей, утверждают свою гегемонию над Юго-Западным Крымом, т. е. они захватывают ту территорию, на которую Византия еще со времен Юстиниана I смотрела как на свое владение. А последующее время, между серединой IX и серединой X в., ознаменовалось беспрерывными нападениями хазар на Корсунскую страну.

В свете всех этих фактов можно утверждать, что, хотя между строительством Саркела и организацией Херсонской фемы существует хронологическая и логическая последовательность, эти два события по своему содержанию качественно различны. Крепость Саркел была построена для того, чтобы не допускать усиления Руси и обеспечить помощь хазар в борьбе Византии с Халифатом, а Херсонская фема была образована для упрочения позиций Византии и против Руси, и против хазар, для укрепления позиций Византии в Северном Причерноморье вообще, а что касается Таврики, то как раз в первую очередь против хазар, ибо территорией, на которую претендовала Византия в Крыму, владели хазары, а не Русь.

Следует отметить, что, несмотря на некоторое ослабление хазарского господства в Таврике в результате вторжения сюда мадьяр, а затем печенегов¹¹ хазарская опасность для Херсона и Климатов представлялась весьма грозной. Около 860 г. хазары вновь осаждают Херсон¹². Главы трактата Константина Багрянородного, в которых упоминаются Херсон и Климаты, пронизывает тревога по поводу беспрерывных нападений хазар; вместе с тем Константин указывает сыну те политические комбинации, которые могут нейтрализовать хазарскую опасность¹³. Таким образом, до времени написания сочинения Константина, т. е. до 948—952 гг.¹⁴, хазары неоднократно угрожали Херсону и его владениям. Около 962 г., согласно «Записке топарха», хазары с большим числом конницы и пехоты опять вторглись в Климаты и разрушили, по несколько преувеличенной, вероятно, оценке источника, 10 городов и 500 селений.

И вот в этой обстановке непрекращающихся хазарских нападений на Херсон и его владения Византия принимает энергичные меры, правда, в духе своей традиционной политики. Если верить Кембриджскому документу, около 940 г. русы по проiscaм Византии напали на хазар в районе Керченского пролива и захватили их город Самкерц¹⁵.

Правители хазарской области именуются титулом «булшицы», соответствующим наименованию архонта Боспора «балгигчин» в хронике Феофана, что означает «болгарский князь», т. е. князь известных в Прику-

¹¹ О мадьярах в Таврике сообщает Паннонское житие Константина Философа (около 860 г.) — см. П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930, стр. 12, 49; о печенегах — Константин Багрянородный — см. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. G. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 1—7, p. 48—54.

¹² Так следует понимать слова Паннонского жития об осаде хазарами „христианского града“, который по контексту и общему смыслу источника нельзя приурочить ни к какому другому городу в Таврике, кроме Херсона. См. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. Памятники христианского Херсонеса, вып. III, М., 1908, стр. 50; I. Франко. Святый Климент у Корсуні. Зап. наук. товариства ім. Шевченка. Львів, 1904, IV, стр. 220.

¹³ Натравливание на хазар печенегов, узов, алан (Const. Porph. De administrando imperio, cap. 1, 10, 11, 12).

¹⁴ О времени написания сочинения Константина „Об управлении империей“ см. J. Burgu. The Treatise „De administrando imperio“. BZ, XV, 1906, p. 517—577, особенно p. 518, 539.

¹⁵ П. К. Кокорцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 118.

банье «черных болгар»¹⁶. Отсюда ясно, что в это время «черные болгары» находились под властью хазар или являлись их союзниками. Кембриджский документ далее рассказывает, что против русов выступил с войском «булшицы Песах», который, не застав русских в Самкерце, двинулся на Херсонскую фему, завоевал три города и множество селений, а затем осадил и взял Херсон. Расправившись таким образом с Херсоном, булшицы двинулся против князя Хельгу, разбил его и заставил выступить против Византии.

Перед нами эпизод, ярко иллюстрирующий русско-хазарский антагонизм. А впрочем, для характеристики этого антагонизма мы можем и не привлекать указанный источник, достоверность которого некоторыми исследователями оспаривается, а обратиться к документу, достоверность которого не вызывает сомнений. Мы имеем в виду договор Игоря с Византией. В нем указывается, что русский князь будет препятствовать «черным болгарам», т. е., в конечном счете, тем же хазарам, разорять Корсунскую страну. В свою очередь, Византия берет на себя следующее обязательство: «если русский князь будет просить у нас помощи для войны, то мы окажем ему помощь, насколько ему будет нужно». По смыслу предусматриваемых событий и исходя из общей ситуации, как она освещена приведенными выше фактами, Византия обязывалась оказывать русскому князю помощь в борьбе против тех же хазар¹⁷.

Договор Игоря раскрывает, таким образом, одну из сторон русско-византийских отношений, а именно: совместные действия Руси и Византии в Таврике против общего врага — хазар. При этом следует подчеркнуть, что договор был заключен после второго похода Игоря, т. е. обязательств, принятые на себя русской стороной, вовсе не были продиктованы Византией. Во всяком случае, что касается борьбы против хазар, то это обязательство отвечало коренным интересам русской политики в Таврике.

Кроме уже приведенных фактов, подтверждением сказанному служат сведения, сообщаемые «Запиской топарха». Топарх, отразив нападение хазар на Климаты и принудив их отступить, но предвидя новые столкновения с ними, по уполномочию «лучших людей» обращается за помощью к Святославу. Последний, как многозначительно пишет топарх, «счел это дело более всего важным», возвратил топарху власть над Климатами, прибавил еще целую область и предоставил ежегодные доходы в своей земле¹⁸. Нетрудно понять, почему Святослав «счел это дело более всего важным», почему он так благосклонно принял топарха и «даровал ему ежегодные значительные доходы в своей земле»: видимо, уже в это время Святослав предпринял войну с хазарами, которая и началась спустя год с небольшим после посольства топарха, в 964 г.¹⁹ Для Святослава, готовившегося к войне за окончательное сокрушение хазарского государства, вопрос о союзниках имел немаловажное значение. А потому обращение к нему за помощью населения Юго-Западного Крыма явилось как нельзя более кстати.

Исход войны известен: хазары были разгромлены, а Русь укрепилась, на этот раз по меньшей мере на полтора столетия, на берегах Керченского пролива, где возникло Тмутараканское княжество. Однако в Крыму какие-то остатки хазар продолжали существовать. И вот в 1016 г. византий-

¹⁶ М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 45.

¹⁷ G. Vernadsky. The Rus in the Crimea and the Russo-Byzantine Treaty of 945. Byzantina-Metabyzantina, I, 1946, p. 258.

¹⁸ Ф. Вестберг. Ук. соч., стр. 285—286.

¹⁹ М. И. Артамонов. Белая Вежа, стр. 47.

ская экспедиция, опять-таки при содействии русского князя, захватила у хазар последние районы, на которые, видимо, еще распространялась их власть²⁰. О дальнейшем пребывании хазар в Таврике упоминаний в источниках нет.

Таким образом, факты показывают, что когда речь шла о борьбе с хазарами, Русь и Византия во второй половине IX и в X в. выступали заодно, хотя соображения, которыми они при этом руководствовались, были совершенно различными.

Все эти обстоятельства надо учитывать и при изучении отношений Херсона с Русью. Вполне вероятно, что, кроме торгово-экономических интересов, известную роль в появлении тенденции к сближению с Русью среди определенных кругов херсонской знати, связанных с землевладением, а потому более всего страдавших от набегов хазар, сыграли эти постоянные столкновения Руси и хазар из-за Таврики. Эти тенденции проявились в событиях, связанных с посольством Калокира в Киев, и имели место при осаде Владимиром Корсуня. Однако силу этих тенденций, как и вообще «симпатии» Херсона к Руси, не следует переоценивать. Во всяком случае русские князья их не переоценивали, имея на то, как мы увидим, веские основания.

Отмеченное единство действий Руси и Византии против хазар отнюдь не исчерпывает всей совокупности русско-византийских отношений. Русь имела свои счеты с хазарами и вела борьбу с ними вовсе не для того, чтобы упрочить позиции Византии в Северном Причерноморье вообще, в Таврике в частности, хотя порой Византии и удавалось использовать в своих интересах объективные результаты действий Руси (как это, например, имело место после похода русской рати князя Бравлина), и Русь сама стремилась укрепиться на северных берегах Черного моря и овладеть ключевыми позициями как экономического, так и стратегического характера. Поэтому во всем прочем, кроме отношения к хазарам, политические устремления Руси и Византии в Таврике резко сталкивались.

В том же договоре Игоря, где речь идет о том, что русский князь будет препятствовать «черным болгарам» разорять Корсунскую страну, содержится статья, в силу которой русский князь не должен иметь власти над Корсунской страной и городами, находящимися в этой области, не должен воевать с ними и покорять их себе. Отсюда ясно, что до заключения договора попытки подчинения Корсунской страны русскими предпринимались. С другой стороны, коль скоро Русь могла воспрепятствовать «черным болгарам» нападать на Корсунскую страну, то это значит, что она опиралась в этих своих действиях на какую-то территорию в самой Таврике²¹.

Однако и после заключения договора 945 года русские князья не отказались от своих притязаний на Корсунскую страну. Во всяком случае в договоре 971 года, заключенном Святославом, опять содержится обязательство не приводить войска в страну Корсунскую. Вполне вероятно, что это обязательство связано с событиями, о которых рассказывает «Записка топарха», приведенными, как правильно считают некоторые

²⁰ Cedrenus, II, Bonnæ, 1839, p. 464, 8.

²¹ А. Куңдик. О записке Готского топарха. ЗАН, т. XXIV. СПб., 1874, стр. 88; С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 82; Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 102. В этой связи интересны сведения, сообщаемые итальянскими портоланами XIV—XV вв. Территория на западном берегу Крыма от оз. Тарпанского до оз. Евпаторийского называлась *Varaegia*, а первое из этих двух озер — *Varangolimea* или *Varangico*; Ахиллов дром, ныне Тендрская коса, назывался *Rossa*; около Евпаторийского озера находился *Rossofar*; местность несколько южнее того же озера носила название *Rossoca*. Этот же корень „рос“ на востоке Крыма — в названии города Росия (см. А. А. Шахматов. Варанголимен и Россофар. Сб. в честь Срезневского. Л., 1924, стр. 160—178).

исследователи, к установлению русского протектората над Таврикой или ее юго-западной частью в 962—971 гг.²²

Договор, заключенный Святославом после поражения, нанесенного ему императором Цимисхием, не означал, однако, прекращения борьбы Киевского государства за выход к морю, за укрепление своих экономических и политических позиций в Северном Причерноморье. Апогеем этой борьбы в эпоху раннего средневековья явился корсунский поход князя Владимира.

II

С походом Владимира на Корсунь тесно связано событие, сыгравшее очень крупную роль в средневековой истории русского государства, — крещение Руси. Предыстории этого похода, описанию самого похода и последующим событиям, не говоря уже о крещении Владимира, посвящена обширная литература²³. Это дает возможность рассмотреть здесь из всего круга вопросов, связанных с взятием Владимиром Корсуни, только те, которые могут лишь объяснить роль Херсона в Северном Причерноморье в X в. и отношении Руси к Херсону.

Внешняя канва этих событий такова. Византийский император Василий II, оказавшись в катастрофическом положении в результате поражения, нанесенного ему болгарами, и феодального мятежа Варды Фоки и Варды Склира, обращается за помощью к князю Владимиру. Тот на определенных условиях предоставляет эту помощь, т. е. шеститысячный отряд, который и сыграл решающую роль в разгроме войск Фоки и Склира. Василий II, положение которого упрочилось, отказался выполнить условия, на которых ему была предоставлена вооруженная помощь. Наиболее важным из этих условий являлась выдача замуж за Владимира после его крещения порфирородной царевны Анны, сестры императора. Однако поход Владимира на Корсунь и последующая угроза перенесения военных действий на территорию Византии принудили Василия II выполнить условия соглашения. В Херсон к Владимиру была послана Анна, с которой он тут же и обвенчался, предварительно крестившись. После этого Херсон был отдан обратно Византии, а Владимир, возвратившись в Киев вместе с Анной и византийским и корсунским духовенством, стал осуществлять христианизацию Руси²⁴.

²² С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 81—82; А. А. Васильев. Ук. соч., ИГАИМК, V, стр. 248—249.

²³ Основная литература: В. Р. Розен. Император Василий II Болгаробойца. СПб., 1883; В. Г. Васильевский. К истории 976—986 годов. Труды, т. II, вып. 1, СПб. 1909; А. А. Шахматов. Корсунская легенда о крещении Владимира. Сборник в честь В. И. Ламанского, СПб., 1906; А. Л. Бертъе-Делагард. Как Владимир осаждал Корсунь. Известия Отделения русского языка и словесности, т. XIV, кн. 1, СПб., 1909 (там же см. указания на всю предшествующую литературу); Б. Д. Греков. „Повесть временных лет“ о походе Владимира на Корсунь. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (ИТОИАЭ), III (60), 1929; С. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. Историк-марксист, № 2, 1937; Р. В. Жданов. Крещение Руси и начальная летопись. ИЭ, 5, 1939; И. У. Будовниц. К вопросу о крещении Руси. Вопросы истории религии и атеизма, III, М., 1955. Мы с тем большим правом позволяем себе сосредоточить внимание только на этих вопросах, что сравнительно недавно появилась работа проф. М. В. Левченко, в которой автор подверг тщательному разбору все сохранившиеся источники (русские, греческие, арабские, армянские), сообщающие о походе князя Владимира на Корсунь и крещении Руси, и глубоко проанализировал указанные события на общем широком фоне русско-византийских отношений последней четверти X в. См. М. В. Левченко. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. ВВ, VII, М., 1953.

²⁴ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 200—211.

В связи с поставленной задачей из сообщений источников, повествующих об этих событиях, нас сейчас интересуют лишь те, которые могут раскрыть причинную обусловленность явлений, приведших к походу Владимира на Корсунь. Зачем Владимир вообще пришел к Херсону? Так ли уж ему был нужен именно Херсон, чтобы заставить императора выдать за него замуж Анну?

Лучше всего позволяет ответить на поставленные вопросы рассмотрение хронологии событий. Сопоставление показания Льва Диакона о небесных явлениях, имевших место в 989 г., сообщение Яхьи Антиохийского, датирующего одно из этих небесных явлений — северное сияние, позволяют с достоверностью установить, что Херсон был взят Владимиром между 7 апреля и 27 июня 989 г.²⁵ По сообщению жития Владимира, осада продолжалась шесть месяцев²⁶, а некоторые редакции жития говорят даже о девяти месяцах²⁷. Следовательно, ясно, что начало осады относится к 988 г. И действительно, летопись помещает корсунский поход под 988 г.²⁸ Никаких данных, которые позволили бы аргументированно отвести хронологические показания русских источников, не существует. Исследователи, которые приурочивают весь поход к одному 989 г.²⁹ на основании сообщений лишь арабских и греческих источников о времени взятия Херсона, совершают, по нашему мнению, ошибку, так как оставляют без внимания показания отмеченных русских источников.

Нам представляется, что единственная трактовка хронологической последовательности событий, учитывающая показания всех источников, такова. Владимир пришел к Херсону (в соответствии с данными русских источников) в августе—сентябре 988 г., осадил его около 9 месяцев и взял город (учитывая свидетельства греческих и арабских авторов) в апреле—мае 989 г.

Однако такой датировке, казалось бы, противоречат свидетельства источников, говорящих о действиях русского отряда в Византии. Но, как мы увидим, противоречие это мнимое.

Русское войско прибыло в Константинополь не ранее апреля 988 г., ибо еще в новелле от 4 апреля Василий II говорит о положении своих дел самым безнадежным тоном³⁰. Помощь русского отряда оказалась для Василия II спасительной. Летом 988 г. часть войска Варды Фоки была разгромлена³¹ в сражении при Хрисополе. А 13 апреля 989 г. в битве при Абидосе, решающую роль в которой опять-таки сыграло русское войско, была почти полностью уничтожена остальная часть войск Фоки, сам Фока погиб³². Феодалный мятеж Варды Фоки был подавлен, русская помощь спасла Василия II и помогла ему сохранить престол.

Но если мы сопоставим время действия русских в качестве союзников Василия II в Византии (а это время достовернейшим образом устанавли-

²⁵ В. Г. Васильевский. К истории 976—986 гг. Труды, т. II, вып. 1, стр. 100; В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 215; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

²⁶ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, М., 1901, стр. 163, 272.

²⁷ Н. К. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 1.

²⁸ Повесть временных лет, стр. 75.

²⁹ В последнее время А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XIII—XIV вв.). МИА, 17, стр. 12; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 204.

³⁰ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938, стр. 99; М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 204.

³¹ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 208; В. Г. Васильевский. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII вв. Труды, т. I, стр. 199.

³² М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 205.

вается показаниями арабских, греческих и армянских источников) с временем осады и взятия Корсуня Владимиром (не менее достоверно засвидетельствованным русскими, греческими и арабскими авторами), то неизбежно приходим к выводу: в то самое время, когда часть русского войска оказывала помощь византийскому императору на территории самой Византии, другая часть под непосредственным руководством Владимира осадила и принудила к сдаче опору византийского влияния в Северном Причерноморье — город Херсон.

Во избежание этого, действительно несколько странного вывода одни ученые, как А. Л. Бертъе-Делагард, относили осаду и завершение военных действий против Корсуня ко времени до начала военных действий русских в Византии, т. е. до лета 988 г., игнорируя при этом показания греческих и арабских источников о времени взятия Корсуня Владимиром; другие же — В. Р. Розен, В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, С. П. Шестаков и др.³³ — относили весь поход Владимира и падение Корсуня ко времени после разгрома Варды Фоки, т. е. к апрелю—июню 989 г., оставляя при этом без внимания сообщения русских источников о начале похода и продолжительности осады. М. В. Левченко предложил компромиссное решение: Владимир, узнав о нежелании императора выдать за него Анну, выступил против Корсуня еще до Абидосской битвы³⁴. Но так как М. В. Левченко относит поход к 989 г., его решение не может быть принято, ибо он также не учитывает всех сообщений летописи и жития Владимира.

Нам представляется, что если исходить из показаний всех без исключения источников (русских, греческих, арабских и армянских), то события, связанные с походом Владимира на Корсунь, восстанавливаются в следующем виде.

В 986³⁵ или 987 г.³⁶ в Киев прибыло посольство от Василия II с просьбой о вооруженной помощи. Эта помощь была обещана, но за это Владимир потребовал руку сестры императора, царевны Анны. Это требование было принято с тем условием, что Владимир и его народ примут христианскую веру из Византии. Почва для объявления христианства господствующей религией на Руси была уже достаточно подготовлена, а потому Владимир согласился с этим условием. Яхья сообщает: «И заключили они (Василий и Владимир. — Д. Т.) между собой договор о сватовстве и женитьбе царя руссов на сестре царя Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы крестился он и весь народ его страны, а они народ великий... И когда решено было между ними дело о браке, прибыли войска руссов и соединились с войском греков, какие были у царя Васи-

³³ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 212—219; В. Г. Васильевский. Труды, т. II (1), стр. 100—101; Ф. И. Успенский. Рецензия на книгу В. Р. Розена. Император Василий Болгаробойца. ЖМНП, 1884, апрель, стр. 284—315; С. П. Шестаков. Ук. соч., стр. 83.

³⁴ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

³⁵ Так предполагает В. Г. Васильевский (ук. соч., т. II, стр. 87—88), считая, что Василий II обратился к Владимиру за помощью сразу же после разгрома его войска болгарями (август 986 г.). Под 986 г. «Повесть временных лет» отмечает прибытие в Киев греческого посольства, явившегося будто бы с чисто миссионерскими целями. Однако другая цель посольства — просьба о военной помощи — могла остаться втайне от современников.

³⁶ Эта дата устанавливается на основании свидетельства Яхьи (В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 23—24) о том, что император Василий отправил послов к Владимиру, «когда Фока овладел страной греков до Дорилея и до берега моря и дошли войска его до Хрисопола», т. е. в 987 г.; см. Завитневич. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Труды Киевск. дух. акад., I, 1888, стр. 137 сл.

ля, и отправились на борьбу с Вардой Фокой морем и сушей к Хрисополю. И победили Фоку»³⁷.

Но затем, после заключения договора, уже в 988 г., Владимир предпринимает действия, на первый взгляд непонятные, заставившие историков при их объяснении игнорировать то одни, то другие источники, — он совершает поход на Корсунь. И тем не менее действия Владимира можно объяснить, если исходить из международных отношений того времени и политического значения Херсона, а также если учесть личные качества самого Владимира, крупнейшего политического деятеля своей эпохи.

Требую руку сестры императора, Владимир хорошо знал, на что он претендует. Константинопольский двор всеми признавался первым из правящих христианских дворов. Он являлся носителем вековых традиций Римской империи, а роскошь, утонченный церемониал и этикет константинопольского двора являлись предметом всеобщего удивления и подражания. Константинополь все еще оставался главным центром европейской культуры. Требование Владимира дать ему в жены сестру императора означало, что византийские императоры, считавшие только себя законными и единственными императорами, должны были признать Владимира равным себе.

Императоры Западно-Римской империи со времен Каролингов напрасно добивались чести вступить в родственные отношения с византийским двором. Константин Багрянородный писал, что подобные притязания следует отклонять под теми или иными предлогами, но самым категорическим образом. Таким образом, русский князь потребовал от Византии и получил согласие на то, чего не могли добиться западные императоры³⁸.

При таких условиях Владимир не мог не понимать, что согласие Василия II на этот брак является актом отчаяния и что византийский император при малейшей возможности постарается свое обещание не выполнить. А что «лукавые греци» способны изыскать какие-либо ухищрения и уловки, чтобы отказаться от своих обещаний, — в этом Владимир также едва ли сомневался. К тому же незадолго до описываемых событий, в 986 г., произошла история, о которой Владимир, учитывая тесные связи Руси с Болгарией, был, разумеется, осведомлен. История эта в изложении армянского историка Асохика такова: «В том году (т. е. 986. — Д. Т.) царь Василий отправил митрополита Севастийского в страну болгар водворить мир. Булгары просили царя Василия отдать сестру свою замуж за их царя. Император в сопровождении митрополита отправил какую-то женщину из своих подданных, похожую на свою сестру. По прибытии той женщины в страну болгар узнали, кто она, и потому осудили митрополита как прелюбодея и обманщика»³⁹. Так закончилась попытка болгарского царя Самуила породниться с византийскими императорами, и это в самый разгар победоносных действий Самуила против Византии, когда была освобождена Восточная Болгария, пала Ларисса, Диррахий, а само византийское войско было почти полностью уничтожено в балканских проходах.

Зная обо всем этом, Владимир понял, что единственным средством, которое может заставить императора выполнить взятые на себя обязательства и отдать ему в жены сестру при любых обстоятельствах, является захват какого-либо залога, боязнь окончательной потери которого была бы очень чувствительна для империи. Этим залогом и должен был стать Херсон.

³⁷ В. Р. Розен. Ук. соч., стр. 23—24.

³⁸ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 203.

³⁹ Асохик. Всеобщая история. Перевод Н. Эмина, М., 1864, стр. 175.

Если у Владимира и были какие-нибудь сомнения в том, что император постарается оттянуть выполнение соглашения, ожидая случая, чтобы вовсе от него отказаться, то ближайшие события должны были эти сомнения рассеять. В «Памяти и похвале Владимиру» Якова Мниха упоминается, что в 988 г. Владимир ходил к порогам⁴⁰. Владимир, видимо, ожидал здесь Анну, остановившись в том месте, где ей и сопровождавшему ее посольству могла угрожать опасность от печенегов, постоянно подкарауливавших здесь русских⁴¹. Но Анна прислана не была, Владимир ожидал напрасно. Однако, в силу приведенных выше соображений, Владимир к этому был готов, а потому он явился к порогам с войском, вполне достаточным не только для того, чтобы препроводить Анну в Киев, но и для того, чтобы получить залог выполнения императором своих обещаний, если Анна не явится. Именно поэтому, придя весной или летом 988 г. к порогам и напрасно прождав Анну, Владимир смог немедленно направиться к Херсону летом того же 988 г., как об этом и сообщает «Повесть временных лет»⁴².

В это время положение Василия II было очень трудным. Решалась судьба престола, спасение которого зависело от русских войск, действовавших в Византии, а потому было не до Херсона. Вместе с тем Василий возлагал надежды, и не напрасно, как это показывает ход осады, на то, что такая твердыня, как херсонская крепость, сумеет сама постоять за себя. Херсон действительно представлял для того времени первоклассную крепость; он был опоясан мощными боевыми стенами высотой до 15 м и толщиной до 3 м, а в некоторых местах до 6—9 м; на наиболее угрожаемых участках, кроме основной оборонительной линии, была вынесена вперед вспомогательная боевая стена — протейхисма⁴³. Владимир осаждал город несколько месяцев, но прорвать оборону крепости он так и не смог, и Херсон был взят лишь тогда, когда Владимиру стало известно местоположение труб, снабжавших город водой.

Все приведенные выше соображения и объясняют, как нам кажется, показания источников, согласно которым одна часть войска Владимира помогала Василию II одержать победу над феодальными мятежниками и сохранить престол, а другая — в это же самое время — осаждала Херсон, опору византийского влияния в Северном Причерноморье.

Однако и предложенное объяснение не избавляет от необходимости решить еще один вопрос. Почему в качестве залога выполнения Византией заключенного с ней соглашения Владимир избрал именно Херсон? Коль скоро единственной побудительной причиной к походу против Корсуни явилось стремление обеспечить получение руки византийской царевны, то почему угроза Владимира [«Если вы не отдадите ее за меня, то поступлю с вашим городом (т. е. Константинополем. — Д. Т.) так же, как поступил и с этим»⁴⁴] была произнесена после взятия Херсонеса, т. е. во всяком случае после Абидосской битвы, резко изменившей к лучшему положение дел Василия II? Эта угроза, судя по сообщению летописи⁴⁵

⁴⁰ Память и похвала князю Владимиру. Изд. В. И. Срезневский. ЗАН ИФО, VIII сер., т. I, № 6, СПб., 1897, стр. 7.

⁴¹ М. В. Левченко. Ук. соч., стр. 207.

⁴² Подробный анализ текста летописи о ходе осады, об обстоятельствах, приведших к падению города, см. А. Л. Бертье-Делагард. Ук. соч.; Б. Д. Греков. Ук. соч.

⁴³ См. К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. II, Севастополь, 1927.

⁴⁴ Повесть временных лет, стр. 76.

⁴⁵ Там же, стр. 76—77.

и свидетельствам Зонары и Кедрина⁴⁶, была воспринята в Византии со всей серьезностью и огромной тревогой, но разве не была бы она столь же или еще более действенной, прозвучав из Киева еще до Абидосской битвы? Далее. Те же Зонара и Кедрин говорят, что известие о падении Херсона возбудило в Константинополе сильнейшие опасения, что русский князь соединится с болгарами⁴⁷. И для этих опасений существовали весьма основательные причины. 80-е годы X в. являлись временем наибольшего успеха героической борьбы болгар за свою свободу против агрессии Византии. Летом 989 г., тогда же примерно, когда пал Херсон, болгарами был возвращен город Веррия, открывавший доступ к Солуни, второму по значению городу империи. Воспоминания же о совместных действиях Святослава и болгар против Византии⁴⁸ должны были быть еще свежи в Константинополе. Но разве для того, чтобы соединиться с болгарами или, по меньшей мере, угрожать таким союзом, Владимиру нужно было овладеть Херсоном?

Короче говоря, предположение, что единственным стимулом корсунского похода Владимира являлось стремление получить руку византийской царевны, не подтверждается свидетельствами о политической ситуации тех лет. Ясно, что Владимир, предпринимая свои действия, руководствовался еще и другими, достаточно вескими, побудительными мотивами. Но какими?

Стремлением прочно утвердиться в Херсоне? Но это допущение опровергается дальнейшим ходом событий. Для Киевского государства твердые позиции в Северном Причерноморье были действительно жизненно необходимы, однако в поисках этих наиболее надежных позиций взоры русских князей были обращены еще со времен Святослава⁴⁹, а может быть, и Игоря⁵⁰ не на Западную Таврику, а на берега Керченского пролива, поближе к восточным торговым артериям, туда, где возникло Тмутараканское княжество, включавшее в себя, во всяком случае в середине XI в., и Керчь. Владимир действовал вполне в духе уже сложившихся традиций русской политики в отношении Северного Причерноморья. Как сообщает летопись, тотчас же по прибытии Анны в Корсунь Владимир оттуда ушел, но зато немедленно после корсунского похода он посадил в Тмутаракань своего сына Мстислава. В своем стремлении укрепить позиции Русского государства в Северном Причерноморье Владимир, очевидно, учитывал и то обстоятельство, что в противоположность Тмутаракани Херсон, чуждый по языку, культуре, традициям и политическим симпатиям, не может явиться надежной опорой русского влияния на северных берегах Черного моря.

Итак, факты, сообщаемые источниками, и рассмотрение общей политической ситуации того времени позволяют установить следующее: 1) Владимир совершил поход на Корсунь, стремясь использовать последний в качестве залога выполнения пункта соглашения о выдаче за него замуж царевны Анны. 2) Кроме этой причины, предпринимая свой поход, Владимир руководствовался еще какими-то другими важными побудитель-

⁴⁶ Zonarae Epitomae historiarum. Ed. L. Dindorff, IV, p. 116; Cedrenus, II, p. 464, 8 В.

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ П. О. Карышковский. Русско-болгарские отношения во время Балканских войн Святослава. ВИ, № 8, 1951.

⁴⁹ В. В. Мавродин. Славяно-русские поселения Нижнего Дона и Сев. Кавказа в X—XIV вв. УЭ Пед. ин-та им. Герцена, т. XI, 1938, стр. 247; М. И. Артамонов. Белая Вежа. СА, XVI, 1952, стр. 46.

⁵⁰ А. Н. Насонов. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. ИЭ, 6, 1940, стр. 88 и сл.

ными мотивами. 3) В эти побудительные мотивы не входило намерение прочно и на сколько-нибудь длительный срок утвердиться в Херсоне.

Каковы же были эти мотивы? Они выясняются из рассмотрения той роли, какую играл Херсон в качестве проводника византийского влияния в Северном Причерноморье.

Трудно сказать, известно ли было в Киеве о том, что тотчас же после поражения Святослава Цимисхий отправил к печенегам посольство, иными словами, что гибель Святослава у порогов была делом Византии, инспирировавшей печенегов⁵¹; но не вызывает сомнений, что в Киеве была хорошо известна роль Херсона в натравливании печенегов на Русь. Однако киевскому правительству скорее всего не был известен документ, проливающий яркий свет на задачи, какие возлагались на Херсон византийским правительством по претворению в жизнь агрессивных замыслов Византии в Северном Причерноморье: мы имеем в виду сочинение Константина Багрянородного. Однако уже политическая практика показывала, что Херсон является не только исходным пунктом византийских дипломатических миссий к кочевым народам для натравливания их против Руси, как его недвусмысленно характеризует Константин Багрянородный⁵², но и центром сбора информации о военных приготовлениях Руси, о предпринимаемых ею шагах для борьбы с Византией. Характерна осведомленность русского летописца о том, что именно из Херсона император Роман получил первое предупреждение о походе Игоря на Византию: «Се слышавше Корсунци послаша к Роману, глаголюще: „се идуть Русь бешисла корабль, покрыли суть море корабли“»⁵³.

Владимир являлся крупным политическим деятелем, с чьим именем недаром связывается представление о князе, который думал «о строе землянем и об уставе землянем», т. е. об укреплении русской государственности. Эта его деятельность находит яркое выражение в объявлении христианства государственной религией и в высоко поднявшей международный престиж Русского государства женитьбе на Анне. Именно в силу этой деятельности по укреплению Русского государства, по упрочению его международных позиций Владимир должен был прийти к необходимости пресечь вдохновлявшиеся из Византии действия херсонесской знати, наносившие серьезный ущерб интересам Русского государства в Северном Причерноморье. Херсон нужно было разрушить или, по меньшей мере, нанести ему такой удар, от которого он долго не мог бы оправиться.

Таковы причины, которые привели Владимира летом 988 г. под стены Херсона.

Овладев городом, Владимир добился осуществления обеих поставленных перед собой задач: византийская царевна была незамедлительно доставлена из Константинополя в Херсон, а «Корсунь разорен бысть от Руси»⁵⁴ и позиции Византии в Северном Причерноморье значительно

⁵¹ Cedrenus, II, p. 405.3—412.21. См. П. О. Карышковский. Балканские войны Святослава в византийской литературе. ВВ, VI, 1953, стр. 58.

⁵² Const. Porph., De administrando imperio, cap. 6, 7.

⁵³ Повесть временных лет, стр. 34.

⁵⁴ ПСРА, т. XV, Тверская летопись. Изд. Арх. ком., 1863, стр. 104. В полном согласии с этим сообщением летописи результаты многолетних археологических раскопок в Херсонесе показывают, что в конце X в. город подвергся пожару и сильнейшим разрушениям. См. К. К. Косцюшко-Валюжинич. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. ИАК, 4, 1902, стр. 67 и сл.; Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. МИА, 4, 1941, стр. 217, 252; Г. Д. Белов, С. Ф. Стрелецкий. Кварталы XV и XVI (Раскопки 1937 г.). МИА, 34, 1953, стр. 91; Г. Д. Белов, А. Л. Якобсон. Квартал XVII (Раскопки 1940 г.), там же, стр. 131.

ослаблены. С победой Владимира упрочилось положение русского форпоста в Причерноморье — Тмутаракани, сильно возросло ее экономическое и политическое значение.

Женившись на Анне, Владимир оставил Корсунь, который опять попал в сферу политического влияния Византии. Однако город, в значительной степени разрушенный и обезлюдивший, еще долго (по меньшей мере 70 лет) не мог играть той роли в политических планах Византии в Северном Причерноморье, какая принадлежала ему раньше.

С конца X в. основная опасность интересам Русского государства в Причерноморье исходила уже не от Византии. После 1094 г. Тмутаракань в летописях уже не упоминается — она была отрезана от Руси половцами и потеряла значение форпоста Киевского государства на северных берегах Черного моря. Половцы существенно подорвали позиции Русского государства в этом крае, хотя и не ликвидировали их вовсе. Лишь татары, а затем турки отбросили на длительный срок Русь от моря.